Масленикова О. В.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНСОНАНТНОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА В ТЕКСТАХ СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЙ 1095-1097 ГГ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/41.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 93-95. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

сто такое нападение происходит с употреблением жаргона, инвективной лексики, вульгаризмов. Защитная реакция Лиды (5) на невербальную агрессию со стороны Стужина проявляется в резкой смене светского тона на оскорбительный и использовании в речи вульгарной лексики.

(5) С т у ж и н. По-моему, в этом городе все только и делают, что прилипают к окнам. *(Лиде.)* Здравствуйте вам!

Л и д а *(наклонила голову).* И вам здравствуйте!

Стужин нагло и с нескрываемым удовольствием оглядывает Лиду по-мужски - с ног до головы.

(Реагирует неожиданно.) Ты, не езди по мне глазами! Притормози, вонючка!

В а л е н т и н А л е к с е е в и ч. О господи!

Л и д а *(снова в прежней светской интонации).* Я продолжаю. Старушка мне поведала, что ты, папа, пересек улицу и сейчас пребываешь в гостинице, скорее всего, у двух молодых граждан, с которыми вчера вечером распивали на лестничной площадке на троих [Брагинский 1992: 176].

Ирония и сарказм выступают как частный случай агрессивной защитной реакции. Часто они являются оскорбительными для тех, на кого направлены. Главное действующее лицо примера (6), от лица которого ведется повествование и анализируется создавшаяся коммуникативная ситуация, позволяет себе передразнить манеру собеседника, Зверкова, защищаясь от его, как ему кажется, высокомерного отношения к себе.

(6) - Ска-а-ажите, вы… в департаменте? - продолжал заниматься мною Зверков. Видя, что я сконфужен, он серьезно вообразил, что меня надо обласкать и, так сказать, ободрить. «Что ж он, хочет, что ли, чтоб я в него бутылкой пустил», - подумал я в бешенстве. Раздражался я, с непривычки, как-то неестественно скоро.

- В …й канцелярии, - ответил я отрывисто, глядя в тарелку.

- И… ввам ввыгодно? Ска-ажите, что вас паанудило оставить прежнюю службу?

- То и па-а-анудило, что захотелось оставить прежнюю службу, - протянул я втрое больше, уже почти не владея собою. Ферфичкин фыркнул. Симонов иронически посмотрел на меня; Трудолюбов остановился есть и стал меня рассматривать с любопытством [Достоевский 1982(а): 457-458].

Помимо вербальных проявлений агрессивных защитных реакций, в процессе коммуникации оказываются задействованы и невербальные компоненты. Насмешка во взгляде Вари и ее молчание (7) тоже расцениваются как агрессивные и успешно отражают вербальную атаку брата.

(7) Он вошел в довольно решительную минуту: Нина Александровна готова была уже совершенно забыть, что она «всему покорилась»; она, впрочем, защищала Варю. Подле Вари стоял Птицын, уже оставивший свою исписанную карандашом бумажку. Варя и сама не робела, да и не робкого десятка была девица; но грубости брата становились с каждым словом невежливее и нестерпимее. В таких случаях она обыкновенно переставала говорить и только молча, насмешливо смотрела на брата, не сводя с него глаз. Этот маневр, как и знала она, способен был выводить его из последних границ [Достоевский 1982(б): 110]!

Разнообразие защитных коммуникативных реакций свидетельствует о высокой потребности участника коммуникации в защите от потенциальных коммуникативных нападений собеседников. Выбор защитной стратегии зависит от многих факторов: ситуации общения, коммуникативных и практических целей и ожиданий коммуниканта, его психофизического состояния, социального статуса, культурной базы, представления об адресате и т. д.

Список использованной литературы

1. Брагинский Э. Это все из-за дождя // Театр. - 1992. - № 2. - С. 169-191.
2. Донцова Д. А. Любимые забавы папы Карло. - М.: Изд-во «Эксмо», 2005. - 352 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 12-ти томах. - М.: Правда, 1982. - Т. 2. - 560 с. (а)
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 12-ти томах. - М.: Правда, 1982. - Т. 6. - 368 с. (б)
5. Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. - М.: Художественная литература, 1981. - Т. 8. - 495 с.

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНСОНАНТНОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА В ТЕКСТАХ СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЙ 1095-1097 гг.

Масленикова О. В.
Казанский государственный университет

Одной из наиболее ярких черт консонантной системы древненовгородского диалекта является неразличение аффрикат <ч> и <ц>. Как правило, именно по этому признаку древненовгородские памятники выделяются из основного массива древнерусских рукописей.

Определяющим был данный параметр и для А. А. Покровского, который впервые указал на новгородское происхождение Служебных миней 1095-1097 гг. [Столярова 1998: 193].

В исследуемых текстах миней представлены следующие случаи смешения <ч> и <ц>:

	ч на месте ц	ц на месте ч
Минея 1095	мрачѣ 28a чѣломоудрьно 23a роучѣ 34a троичю 9a страдальча 25b, 26b творьча 55b жизнодавча 33b вѣньча 11a, 15a, 18a конча 16a, 21b агнча 31a паличею 11b застоупничю 25a личьмъ къ личоу 26b пьрьвьнача 27b	власцьскаꙗ 23b владциче 25b дѣцскꙑ 143a бъцелѣ 169b срьдцанꙑмъ 152a цлѣвлѣца 171a трцьноую 155b
Минея 1096	конча земли 50b младенча 51a срьче 61a наричаю 65a агнча 99b оча 115b вѣнчьма 5b источьничи 74b	подъслнцьноую 64a слнцноую 98a срьцаная 64b концьцание 15a
Минея 1097	вѣнча 100a вѣнчьма 55b страдальча 56a оча 60a, 102b зарчало 92b застоупничоу 101b къ мрачѣ 116b	непороцьная 24a събезнацально 45b течениюма 69b бесконьцьноую 83b чльвцьство 87a

Возникновение цоканья в широком смысле как неразличение <ч> и <ц> традиционно относится к дописьменной эпохе, поскольку оно отражено в древнейших памятниках, в частности, в надписи на новгородском деревянном цилиндре, датируемом 70-80 гг. X в.: **мецъницъ** [Рождественская 1992: 44].

Существуют две основные теории, объясняющие возникновение цоканья в русских говорах.

1. Первая теория рассматривает цоканье как субстратное явление, вызванное контактами с иной языковой системой, в которой присутствует смешение аффрикат. Так, по мнению А. А. Шахматова, возникновение цоканья в северорусском диалекте связано с влиянием польских говоров, в которых наблюдается замена шипящих звуков свистящими (*ш - с, ж - з, ч - ц*) [Шахматов 1915: 318]. С влиянием таких говоров А.А.Шахматов связывал проникновение цоканья в древнерусские северные диалекты.

Сходной позиции придерживается и П. Я. Черных. Он полагает, что цоканье возникло в северо-западных древнерусских говорах в результате влияния финских языков, в которых имеется лишь одна из аффрикат - <ч> или <ц> [Черных 1952: 53].

Таким образом, согласно приведенным концепциям, причина возникновения цоканья в северорусских говорах - иноязычное влияние. Но одним из существенных недостатков данной теории является то, что она не дает ответа на вопрос, почему не везде при столкновении славянских и финно-угорских говоров возникает цоканье.

2. Вторая теория рассматривает цоканье как спонтанное явление, вызванное внутрисистемными процессами в северорусских говорах. В основе этой теории лежит идея о слабой функциональной противопоставленности фонем /ц'/ и /ч'/.

Так, В. Г. Орлова в монографии об аффрикатах [ц'] и [ч'] объясняет возникновение цоканья в русских говорах большой физиолого-акустической близостью этих звуков, то есть внутриязыковыми причинами, не связанными с финским субстратом [Орлова 1959: 59]. Но в этой концепции остается неясным вопрос, почему только в отдельных диалектах близость [ц'] и [ч'] привела к их неразличению.

С. М. Глускина считает неправомерным объяснять возникновение цоканья только внутренними языковыми причинами - слабой противопоставленностью <ч> и <ц> в системе фонем или их артикуляционно-акустической близостью [Глускина 1968: 23]. Эти внутренние причины были общими для всех славян, между тем цоканье - диалектное явление, известное главным образом в окраинных диалектах. По-видимому, внутренние условия, благоприятствовавшие возникновению цоканья, должны были получить поддержку во внешних обстоятельствах, в столкновении разных языковых систем. Каковы же были внутренние причины, создавшие условия для возникновения цоканья?

Дело в том, что важной особенностью древненовгородского диалекта является неосуществление второй палатализации заднеязычных: *к, *g, *х в позиции перед ě и і были лишь смягчены, т.е. дали [k’], [g’], [х’], но не перешли в свистящие.

В текстах исследуемых миней на большом фоне примеров, где представлены результаты второй палатализации, встретились два случая неосуществления перехода заднеязычных в свистящие: крс҃тьꙗнскии 91а, дѫмѫкѣ (приписка на полях л.57а, 127а) в минеи 1095 года. Эти два примера представляют неосуществление второй палатализации на стыке основы и флексии.

В истории языка привычной являлась точка зрения, согласно которой одна из характерных особенностей древнерусского языка старшего периода заключается в замене форм на свистящие формами на заднеязычные, причиной чего является выравнивание, унификация основы в пределах парадигмы. Считается, что первоначально эта особенность локализовалась в северо-западной диалектной зоне, точнее, в новгородско-псковских говорах. Так, П. Я. Черных высказал предположение, что в некоторых восточнославянских говорах на севере второе смягчение заднеязычных с самого начала не охватило форм склонения *из-за противодействия других падежей* [Черных 1962: 41]. Морфологические причины в этом усматривал и А. А. Шахматов: «Появление дѫмѫкѣ Минея XI в. №194 57а, вместо домѫцѣ, вероятно приписать диалектной северорусской нефонетической замене *ц* через *к* в формах склонения и спряжения» [Шахматов 2002: 49].

Однако замена свистящих заднеязычными в некоторых падежных формах не может рассматриваться в системе древненовгородского диалекта как тенденция к выравниванию основы, поскольку данные новгородских берестяных грамот (на лоугѣ, нѣжѧкѣ, животѫкѣ (Гр. № 526), ко три колотокѣ (Гр. № 644) и др.) доказывают, что отсутствие второго смягчения заднеязычных в падежных формах было в древненовгородском диалекте не исключением, а нормой с самого начала письменного периода. Основным доводом этого являются те случаи неосуществления второй палатализации, в которых нельзя предположить позднейшее восстановление заднеязычных под влиянием других форм слова: это случаи, когда вторая палатализация должна была осуществиться в корне слова (кѣлѣ, кѣле (Гр. № 247), гкѣздѫкѣ (Гр. Ст.Р.13) и др.).

Так складывается ситуация, когда северо-западные говоры, не пережившие второй палатализации и имевшие в составе фонем только одну глухую аффрикату, контактируют с теми восточнославянскими диалектами, в которых вторая палатализация осуществилась и потому присутствуют обе аффрикаты. В результате контактов с этими говорами чуждая северо-западному диалекту аффриката <ц’> отождествляется с имеющейся в этом диалекте аффрикатой <ч’>, наиболее близкой артикуляционно-акустически к [ц’].

Таким образом, новгородское цоканье возникло в результате взаимодействия северо-западных говоров, в фонетической системе которых была представлена лишь одна аффриката, с теми древнерусскими говорами, которые пережили вторую палатализацию, а значит, имели обе аффрикаты - <ч> и <ц>.

В самых ранних памятниках новгородской письменности исследователи обнаружили особую графему - так называемое «зеркальное» *ц* (перевернутое слева направо): мецѧнищѧ, полѫцѧтвѫрѧтѫ (надпись на деревянном цилиндре). Такое «зеркальное» *ц* могло восприниматься как особое обозначение единой древненовгородской аффрикаты, соответствующей двум фонемам <ч> и <ц> других диалектов. Это обозначение избавляло пишущего от необходимости выбирать между графемами ц и ч.

Как попытку передать средствами графики систему с неразличением аффрикат на фоне систем с двумя аффрикатами можно рассматривать использование писцом в тексте Служебной минеи 1095 года особую графему, которая похожа на графему ч, но отличается от нее тем, что имеет хвостик под строкой. В связи с этим встает проблема идентификации данной графемы (ц или ч), что очень показательно для древненовгородского памятника, в языке писцов которого существует только одна аффриката.

Список использованной литературы

1. **Глускина С. М.** О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) / С. М. Глускина // Псковские говоры II: Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года. - Псков, 1968. - С. 20-43.
2. **Орлова В. Г.** История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров / В. Г. Орлова. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - 211 с.
3. **Рождественская Т. В.** Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI-XV вв. / Т. В. Рождественская. - СПб.: СПб. гос. ун-т, 1992. - 171 с.
4. **Столярова Л. В.** Древнерусские надписи X-X вв. на пергаменных кодексах / Л. В. Столярова. - М.: Наука, 1998. - 414 с.
5. **Черных П. Я.** Русская диалектология / П. Я. Черных. - М.: Учпедгиз, 1952. - 95 с.
6. **Черных П. Я.** Историческая грамматика русского языка / П. Я. Черных. - М.: Госпедиздат, 1962. - 375 с.
7. **Шахматов А. А.** Очерк древнейшего периода истории языка / А. А. Шахматов. - Петроград: Типография Императорской АН, 1915. - 369 с.
8. **Шахматов А. А.** Очерк древнейшего периода истории языка / А. А. Шахматов. - М.: Индрик, 2002. - 425 с.